

БУЛГАКОВ

125 лет Мастеру

M. S. Gorky

Фюрис Сокалов

БУЛГАКОВ

**Мастер и демоны
судьбы**

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
С59

В коллаже на обложке использована фотография:
Архивный фонд Фото ИТАР-ТАСС.

Фотография на контртителе: Архивный фонд Фото ИТАР-ТАСС.

Соколов, Борис Вадимович.

С59 Булгаков. Мастер и демоны судьбы / Борис Соколов. — Москва : Издательство «Э», Яуза, 2016. — 832 с. — (БУЛГАКОВ. 125 лет Мастеру).

ISBN 978-5-699-87443-9

К 125-летию Михаила Булгакова.

Творческая биография одного из величайших писателей XX века. Самое объективное и полное жизнеописание Мастера, не замалчивающее даже наиболее спорные и болезненные переломы его судьбы. Исчерпывающая информация не только обо всех произведениях Булгакова, но и о его личной жизни, его ангелах и демонах.

Турбины и Хлудов, Шариков и Преображенский, Мольер и Максудов, Иешуа и Пилат, Воланд и Бегемот, Мастер и Маргарита — булгаковский гений создал целую Вселенную, населив ее незабываемыми героями. Но его собственная судьба стала «хождением по мукам»... Служба в Белой гвардии и наркотическая зависимость, литературные склоки и театральные интриги, цензурные запреты и любовные безумства, помощь Сталина и запрет булгаковской пьесы о Вожде, фатальный диагноз и работа над «Мастером и Маргаритой» наперегонки со смертью — эта книга проливает свет и на главные загадки творчества Булгакова, и на лабиринты его судьбы.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-699-87443-9

© Соколов Б., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Э», 2016

К читателю

Из всех писателей 20—30-х годов XX века Михаил Булгаков, наверное, в наибольшей мере сохраняется в российском общественном сознании. Сохраняется не столько своей биографией, из которой вспоминают обычно его письма Сталину и единственный телефонный разговор с тираном, сколько своими гениальными произведениями, главное из которых — «Мастер и Маргарита». А вот «Дни Турбиных», «Бег», «Мольер», «Александр Пушкин» отходят на второй план, чтобы, быть может, через десятилетия алмазом сверкнуть в чьей-то незаурядной постановке. Зато пробудился вновь интерес к «Белой гвардии», к мыслям писателя о судьбах России и русской интеллигенции, ставшим актуальными после краха коммунистического режима в СССР и в свете переживаемого Россией смутного времени.

Булгаков-писатель и Булгаков-человек до сих пор во многом загадка. Неясны до конца его политические взгляды, отношение к религии, эстетическая программа. Литературно-критических статей он почти не писал, в письмах о политике и эстетике ничего не говорил, позднейшие воспоминания современников создавались с оглядкой на цензуру; осторожна и вдова писателя Елена Сергеевна Булгакова в своих дневниках. Правда, чудом уцелел сожженный, но возродившийся, как феникс из пепла, булгаковский дневник 20-х годов, а главное — его произведения, в которых писатель за свою короткую жизнь успел выразить себя до конца, до самого дна души, точно под взглядом всевидящего и всезнающего Воюнда.

Были еще тысячи и тысячи книг, прочитанных Булгаковым и преobraженных его гением в романах и пьесах, рассказах и фельетонах. Преломление чужих литературных образов часто помогает понять взгляды самого писателя. А узнаваемые персонажи-современники нередко позволяют приоткрыть непрочитанные еще страницы булгаковской биографии.

Можно сказать, что Булгаков прожил три жизни: обычную, не писательскую; жизнь писателя, познавшего успех, славу, но затем суровой рукой «пролетарской критики» вычеркнутого из литературы; и жизнь театрального режиссера, а потом либреттиста, вынужден-

ного писать только «в стол». До 1919 года Михаил Афанасьевич — врач, только изредка пробуящий себя в литературе. В 20-е годы он уже профессиональный прозаик и драматург, зарабатывающий на жизнь литературным трудом и осененный громкой, но скандальной славой «Дней Турбиных». Наконец, в 30-е годы Булгаков — театральный служащий, поскольку существовать на доход от публикаций и постановок уже не может — не дают. В это десятилетие он пишет «в стол» и создает нетленный шедевр — «Мастера и Маргариту». Будто три разных человека жили. А ведь на самом деле один и тот же, только вынужденный по-разному приспосабливаться к жизненным обстоятельствам, по-разному выражать свою творческую сущность.

В жизни Булгакова было немного значительных, ярких событий, а наиболее драматичный период его биографии — годы Гражданской войны — до сих пор покрыт тайной, вокруг которой мы вынуждены строить самые разные догадки. Но созданное им в литературе и театре — из самого драгоценного, что когда-либо было сотворено в России и мире.

Автор не ставит перед собой невыполнимой задачи раскрыть и убедительно истолковать все тайны булгаковской жизни и творчества. Верно, что каждая новая эпоха требует и новой биографии любимшегося писателя. Сегодня, когда изданы все художественные произведения Булгакова, изучены и в основном опубликованы его рукописи, переписка и биографические документы, вряд ли можно ожидать, что появятся сенсационные материалы, которые перевернут наши представления о Булгакове. Но потребность в осмыслении и переосмыслении, переписывании булгаковской биографии, нового обращения к творчеству писателя существует всегда. И если автору удалось хоть немного приоткрыть завесу тайны над булгаковским творчеством и непростой, негладкой жизнью писателя, сделать Булгакова и его героев ближе и понятнее современникам (хотя всякое познание непременно рождает и новые вопросы), он свою задачу сочтет выполненной.

Сам Булгаков незадолго до смерти, 8 ноября 1939 года, в беседе с сестрой, Надеждой Афанасьевной Земской, согласно записи в ее дневнике, так высказался о биографическом жанре: «О биографах...», «Тетка-акушерка...». Мое замечание о том, что я хочу писать воспоминания о семье. Он недоволен. «Неинтересно читать, что вот приехал в гости дядя и игрушки привез... Надо уметь написать. Надо писать человеку, знающему журнальный стиль и законы журналистики, законы создания произведения...»

В последние месяцы он подумывал о том, чтобы все-таки написать хоть какие-то воспоминания в помощь будущим биографам. В письме к другу юности Александру Петровичу Гдешинскому Булгаков признавался: «...я тоже все время приковываюсь к воспоминаниям и был бы очень благодарен тебе, если бы ты помог мне в них кое в чем разобраться. Дело касается главным образом музыки и книг». Надежда Афанасьевна в связи с этим отметила в дневнике: «Миша... что-то хотел писать о Киеве и юности; может быть, хотел сам писать свою биографию». К несчастью, Михаил Афанасьевич осуществить это намерение не успел, и мы лишились бесценного источника. Для прояснения булгаковского облика остались только воспоминания друзей и знакомых, письма и, главное, его собственные произведения.

Булгаков не хотел, чтобы в его будущей биографии преобладал быт. Как известно, ни один великий человек не остается великим в глазах своего камердинера. Вовсе не собираемся сводить биографию к быту и мы. Вместе с тем надо помнить, что детали, мелочи быта часто говорят о человеке больше, чем многостраничные письма и воспоминания. И именно быт дает тот «сор», из которого вырастают литературные шедевры.

Мы постараемся заново прочесть биографию писателя с особым упором на наиболее сложные, загадочные, не до конца познанные моменты его судьбы.

Филология — наука принципиально неточная. В ней всегда чрезвычайно важен субъективный момент. Особенно это касается литературных параллелей и интертекстуальных связей. Одному исследователю какая-то параллель кажется вполне очевидной, а другому — абсолютно бредовой. Более или менее надежными параллели считаются тогда, когда выписки из данного источника обнаруживаются в архиве писателя, или имеются его собственные свидетельства о знакомстве с той или иной книгой. Или если на худой конец в текстах писателя обнаруживается скрытая цитата из той или иной книги или статьи. Но вместе с тем здравый смысл подсказывает, что не из всех прочитанных книг и журналов писатель делает выписки, не все понравившиеся ему газетные заметки сохраняет в домашнем архиве и далеко не обо всем прочитанном высказывается устно или письменно. Математически точных способов определения интертекстуальных параллелей не существует. Поэтому здесь вступают в игру эрудиция и интуиция исследователя и возникающие у него ассоциации и аллюзии. А они у разных филологов оказываются разными. Кроме того, каждый писатель в своей жизни обычно прочел не одну тысячу книг и не один десяток тысяч статей. Даже если бы каким-то чудом

удалось установить, например, все тысячи и десятки тысяч только литературных источников, которые Булгаков использовал при создании «Мастера и Маргариты», то никаких возможностей человеческого мышления не хватит для того, чтобы сопоставить все эти источники друг с другом и с текстом великого романа. Здесь научные возможности филологии кончаются, и она превращается в своего рода художественную прозу, с более или менее свободными ассоциациями и полетом фантазии. Конечно, кое-какие ограничения сохраняются, например, в связи с датой создания и публикации сравниваемых произведений, или событий, если речь идет о реальных источниках и прототипах, однако принципиальную неопределенность относительно основной массы источников эти ограничения не отменяют.

В своей книге, которая отнюдь не является строго академическим исследованием, я называю прототипами любых литературных или реальных персонажей, которые так или иначе, пусть даже своими мельчайшими чертами или свойствами, отразились в булгаковских образах. Многие литературоведы называют прототипами только тех персонажей, которые имеют существенное значение для понимания данного образа и писательского образа. Однако тут мы опять имеем дело с субъективным моментом — что считать значимым, а что — нет.

Пожалуй, наибольшие споры вызывает вопрос о политических деятелях, вроде Сталина, Ленина, Бухарина, Троцкого и других в качестве возможных прототипов булгаковских героев. Это объясняется, в частности, тем, что сегодня различные политические и идеологические партии и течения хотят приспособить булгаковское творчество к своим установкам, использовать его для достижения собственных целей в качестве сильного пропагандистского оружия. Интерес Булгакова к политике хорошо известен. Он отчетливо прослеживается, в частности, по его дневниковым записям 1923–1925 годов. Поэтому в «Белой гвардии», «Роковых яйцах», «Собачьем сердце», «Мастере и Маргарите», «Беге», «Днях Турбиных» и других произведениях, в том числе и в биографии и пьесе о «Мольере», столь далеких, казалось бы, от современной эпохи, вполне закономерно искать политический смысл и соответствующие прототипы и прообразы, хотя сам Булгаков, разумеется, публично всегда отрицал, что его произведения имеют политическое значение. Поступать иначе в тоталитарном обществе было нельзя. Недаром Булгаков вполне заслуженно считался единственным политическим сатириком в советской литературе 20–30-х годов XX века. Поэтому вполне оправданным и логичным выглядит поиск политического подтекста и аллюзий в булгаковском

творчестве, что, разумеется, не отменяет его более широкий фило-софский контекст, внимание писателя к «вечным» проблемам.

Можно сказать, что всю свою жизнь Булгаков шел к своей главной вещи — «Мастеру и Маргарите», с которой он и вошел в мировую литературу. Все другие произведения, не исключая и московские фельетоны 20-х годов, в той или иной степени послужили материалом для «закатного» романа. В нем нашли свое завершение все основные идеи и мотивы, развитые ранее в булгаковской прозе и драматургии.

Особый упор в нашей книге сделан на выявление реальных прототипов героев Булгакова, на литературные реминисценции в его произведениях, на обрисовку основ булгаковской философии и мировоззрения, наконец, на все таинственное, что в них имеется, на загадки разгаданные и неразгаданные.

Два слова скажем о языке Булгакова, именно благодаря которому все, написанное Мастером, читается с умопомрачительной легкостью. Одному начинающему автору он писал: «...Раз я читатель, то будьте добры, дорогие литераторы, подавайте так, чтобы я легко, без мигрени следил за мощным летом фантазии». К собственному творчеству Булгаков подходил с позиций потенциального читателя и писал просто и правильно, облекая «мощный лет фантазии» в формы, понятные всем — и рафинированному интеллигенту, и обыкновенному рабочему, вроде тех, чьи не слишком грамотные корреспонденции когда-то ему приходилось править в «Гудке».

Писателю скоро стала претить избыточная и вычурная, как он считал, метафоричность, столь характерная для советской литературы 20-х годов. Булгаковский язык обретает ту прозрачную простоту, к которой стремился еще Лев Толстой в последний период своего творчества. Булгаков, убежденный, что своих героев автор должен любить, чтобы затем их полюбил читатель, не допускал искусственной усложненности и чрезмерной цветистости языка как самоцели, которой должны были бы подчиняться развитие фабулы и характеры персонажей. Поэтому булгаковская проза читается с необычайной легкостью. Внимание читателей лишний раз не отвлекается от мастерски сделанного сюжета необходимостью осмысливать сложные метафорические обороты и бесконечные повествовательные периоды. В пьесах же речь персонажей по своему строю оказывается очень близка к реальной разговорной, будучи разделенной на не очень длинные фразы, она мало отступает от литературной нормы и легко воспринимается зрителями, позволяя без труда следить за развитием действия. Для Булгакова было чрезвычайно важным идейное

содержание произведения. Язык должен был помогать восприятию, не концентрируя на себе специально читательское внимание.

Писатель не стремится к абсолютной гладкости речи, понимая, что некоторая художественно дозированная «неправильность» языка по сравнению как с нормой, так и с живой разговорной практикой необходима для должного эстетического воздействия на читателя. В частности, Булгаков вводил в свою прозу ритм, следуя традиции А. Белого, например, в ставшем хрестоматийном описании Пилата. Он также использовал непривычную транскрипцию знакомых слов — например, «Ершалаим», «кентурион», «Вар-Равван» в евангельских главах «Мастера и Маргариты». В московской же части романа со строгим чувством меры употреблены просторечные слова для характеристики персонажей типа Коровьева, который конференсье Бенгальского величает замечательным словом «надоедала». А фамилия администратора Варенухи означает вареную водку с пряностями и может быть понята как намек на склонность Ивана Савельевича к выпивке, подобно его шефу Лиходееву. В то же время Булгаков силой поэтического воображения сотворил высоким стилем историю Пилата и Иешуа, утвердив в нашем сознании не только эпически стройную и психологически достоверную версию евангельских событий, но и представление об эстетическом эталоне русской прозы.

Приношу свою искреннюю благодарность за советы и консультации, а также помощь в доступе к архивным материалам в процессе подготовки книги ныне покойным Н.А. Грозновой, П.Н. Кнышевскому, В.Я. Лакшину, В.И. Лосеву, Б.С. Мягкову, а также П.В. Палиевскому, А.М. Смелянскому и В.Г. Сорокину. Особая благодарность — моей жене Люде, без которой эта книга не могла бы состояться.

Глава 1

«Разговора про литературу тогда никакого не было»

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

1891–1916

Михаил Афанасьевич Булгаков родился 3(15) мая 1891 года в Киеве (до 19 января (1 февраля) 1918 года все даты, относящиеся к биографии Булгакова, приводятся по старому стилю (юлианскому календарю)). Об этом сохранилась запись в метрической книге Киево-Подольской Кресто-Воздвиженской церкви: «Тысяча восемьсот девяносто первого года родился мая третьего, а крещен восемнадцатого числа Михаил. Родители: доцент Киевской духовной академии Афанасий Иванович Булгаков и законная жена его Варвара Михайловна, оба православного вероисповедания». Крестил Михаила 18 мая священник Матвей Бутковский.

Отец будущего писателя родился 17 апреля 1859 года в семье сельского священника Орловской губернии Ивана Авраамьевича Булгакова, жена которого Олимпиада Ферাপонтовна вместе с ординарным профессором Киевской духовной академии Николаем Ивановичем Петровым стали крестными Михаила. Иван Авраамьевич служил в селе

Бойтичи Жирятинского уезда Брянской губернии, позднее — в селе Подолыны Орловского уезда и Сергиевской кладбищенской церкви в Орле.

Фамилия «Булгаков» происходит от тюркского существительного «булгак» — производного от глагола «булга» — глагол имеет значения «махать», «перемешивать», «взбалтывать», «мутить», «качаться», «биться». «Булгак» же означает «смятение», «гордо ходящий человек, поворачивающий голову в разные стороны», или просто «гордый», «гордец».

Афанасий Булгаков окончил в 1881 году Орловскую духовную семинарию и, как один из наиболее выдающихся ее выпускников, был официально «предназначен» для поступления в Киевскую духовную академию, которую он окончил в 1885 году. Два года преподавал греческий в Новочеркасском духовном училище. В 1886 году опубликовал в Киеве «Очерки истории методизма» и в следующем году был удостоен за это сочинение степени магистра богословия, определен в

академию доцентом по кафедре общей гражданской истории, а с начала 1889 года переведен на кафедру истории и разбора западных исповеданий. 1 июля 1890 года Афанасий Иванович женился на учительнице женской прогимназии города Карачева Варваре Михайловне Покровской. Она родилась 5 сентября 1869 года в семье протоиерея карачевской Казанской церкви Михаила Васильевича Покровского. Ее мать, Анфиса Ивановна, в девичестве носила фамилию Турбина, данную впоследствии Булгаковым автобиографическим персонажам романа «Белая гвардия». Через год после рождения Михаила, в начале мая 1892 года, Покровские писали Булгаковым: «Прелюбезнейшие наши дети, Афанасий Иванович и Варичка, а также и милейший наш внучоночек, многолетствуйте!

Письмо с карточкою Мишутки мы получили, вдоволь им налюбовались. Внучоночек настолько хорош, что мы цены ему представить не можем. Ты, Варичка, пишешь, чтобы откровенно написать, не стесните ли Вы нас своим приездом и не обеспокоите ли собственно меня?

Да разве дети могут причинить родителям беспокойство, особенно тем, которые всегда дышат на детей своих всецелою отеческою любовью; больше радости и довольства Вы ничего нам не доставите своим приездом; посему все Ваши мысли отложите в сторону; и как только надумается и представится возможность к отъезду, приезжайте, ничто не сумнясь и ничим еще не стеснясь. Афанасию Ивановичу наш искренний привет и

поздравление с чином Коллежского Советника. В ожидании Вашего к нам приезда остаемся родители Ваши: Михаил и Анфиса Покровские».

И первое в своей жизни путешествие Михаил совершил к родне в Карачев. Тогда этот город был в Орловской губернии, а сейчас — в Брянской области.

Позднее, 8 января 1912 года, сестра Булгакова Надя записала в дневнике настоящий гимн во славу Покровских: «Покровское» — то дорогое и родное, особый милый отпечаток, который лежит, несомненно, на всей маминной семье. Безусловно, что-то выдающееся есть во всех Покровских, начиная с бесконечно доброй и умной, такой простой и благородной бабушки Анфисы Ивановны... Какая-то редкая общительность, сердечность, простота, доброта, идейность и несомненная талантливость — вот качества покровского дома, разветвившегося из Карачева по всем концам России, от Москвы до Киева и Варшавы... Любовь к родным преданиям и воспоминаниям детства... связь между всеми родственниками — отпрысками этого дома, сердечная глубокая связь, какой нет в доме Булгаковых. Жизнерадостность и свет».

В семье Покровских было девять детей, а в семье И.А. Булгакова — десять. Афанасия Ивановича и Варвару Михайловну детьми Бог тоже не обидел. У Михаила было шесть братьев и сестер: Вера (1892), Надежда (1893), Варвара (1895), Николай (1898), Иван (1900) и Елена (1902).

Будущий писатель появился на свет в доме № 28 по Воздвиженской улице,

принадлежавшем крестившему Михаилу священнику Кресто-Воздвиженской церкви Матвею Бутовскому (сейчас это дом № 10). Семья меняла квартиры почти ежегодно, стремясь найти жилье подешевле. Так, с 1895 по 1905 год Булгаковы снимали квартиру в доме № 10 по Кудрявской улице. Интересно, что раньше здесь жила семья Владимира Ильича Ульянова-Ленина — его мать Мария Александровна и сестры Анна Ильинична и Мария Ильинична. А с 1904 года родители Михаила поселились на Ильинской улице, 5/8, в угол с Волошской, занимая квартиру в доме Духовной академии. Варвара Михайловна оставила работу учительницы, и Афанасий Иванович вынужден был искать дополнительный заработок для содержания все увеличивающейся семьи. В 1890–1892 годах он преподавал историю в Киевском институте благородных девиц, а с октября 1893 года получил также должность Киевского отдельного цензора по внутренней цензуре. Пригодилось знание европейских языков: цензуровал поступающую в Киев иностранную литературу. Карьера в Киевской духовной академии развивалась успешно: в 1896 году он стал статским советником.

В 1900 году Булгаковы приобрели дачу под Киевом. Надежда Афанасьевна Булгакова впоследствии вспоминала: «Родители купили участок в поселке Буча в 30 километрах от Киева — две десятины леса, парк, можно сказать. И на этом участке под наблюдением отца была выстроена дача в пять комнат и две большие веранды... Дача дала нам простор, прежде всего простор,

зелень, природу. Отец (он был хорошим семьянином) старался дать жене и детям полноценный летний отдых... На даче было прекрасно, лучше, чем в городе, где к тому же были докучливые соседи». Надежда Афанасьевна свидетельствовала: «Роскошь была в природе. Роскошь была в цветнике, который развела мать, очень любившая цветы... Цветник. Много зелени. Каштаны, посаженные руками самой матери. И дети вырастали на свободе, на просторе, пользуясь всеми радостями природы».

Надежда Афанасьевна подчеркивала трудолюбие отца: «...он очень много писал, он очень много работал. Много времени проводил в своем кабинете... Он уезжал в Киев с дачи на экзамены. А с экзамена он приезжал, снимал сюртук, надевал простую русскую рубаху-косоворотку и шел расчищать участок под сад или огород. Вместе с дворником они корчевали деревья, и уже один, без дворника, отец прокладывал на участке... дорожки, а братья помогали убирать снятый дерн, песок...» Вот как передает Надежда Афанасьевна атмосферу дачной жизни: «Цветник. Много зелени. Каштаны, посаженные руками самой матери. И дети вырастали на свободе, на просторе, пользуясь всеми возможными радостями природы. В первый же год жизни в Буче отец сказал матери: «Знаешь, Варечка, а если ребята будут бегать босиком?» Мама дала свое полное согласие, а мы с восторгом разулись и начали бегать по дорожкам, по улице и даже по лесу. Старались только не наступать на сосновые шишки, потому что это неприятно. И это вызвало большое удив-

ление у соседней. Особенно поджигали губы соседки: «Ах! Профессорские дети, а босиком бегают!» Няня сказала об этом матери. Мать только рассмеялась». Детям такой демократизм явно пришелся по душе.

Варвара Михайловна, как и отец, прививала детям трудолюбие и стремление к знаниям. Но медицинское образование, полученное по настоянию матери, довольно скоро стало для Булгакова обузой, и само его наличие пришлось скрывать.

В 1906 году Булгаковы сняли дом № 13 на Андреевском спуске, на долгие годы ставший их пристанищем и известный миллионам читателей как «Дом Турбиных». Сейчас там находится Киевский музей Михаила Булгакова. Этот дом много лет спустя, уже в 1965 году, когда Булгаков вновь стал входить во славу, и в самый канун публикации «Мастера и Маргариты», отыскал писатель киевлянин Виктор Некрасов, архитектор по первой профессии. Он так вспоминал о своих впечатлениях от исторического здания: «Андреевский спуск — лучшая улица Киева... Крутая, извилистая, булыжная. Новых домов нет. Один только. А так — одно-двухэтажные... Так он и останется со своими заросшими оврагами, садами, буераками, с теряющимися в них деревянными лестницами, с прилепившимися к откосам оврагов домиками, голубятнями, верандами, с вьющимися грамофончиками, именуемыми здесь «кручеными паньчами», с развешанными простынями и одеялами, с собаками, с петухами... И вот мы стоим перед этим самым домом № 13 по Андреевскому спуску.

Ничем не примечательный двухэтажный дом. С балконом, забором, двориком, «тем самым», с щелью между двумя дворами, в которую Николай Турбин прятал свои сокровища. Было и дерево, большое, ветвистое, зачем-то спилили, кому-то оно мешало, затемняли».

А в очерке, написанном вскоре после первого посещения «Дома Турбиных» (очерк так и назывался), Виктор Платонович описал, как он его нашел. В романе дан совершенно точный его портрет. «Над двухэтажным домом № 13, постройки изумительной (на улице квартира Турбиных была во втором этаже, а в маленький, покатый, уютный дворик — в первом), в саду, что лепился под крутейшей горой, все ветки на деревьях стали лапчаты и обвисли. Гору замело, засыпало сарайчики во дворе — и стала гигантская сахарная голова. Дом накрыло шапкой белого генерала, и в нижнем этаже (на улицу — первый, во двор под верандой Турбиных — подвальный) засветился слабенькими желтенькими огнями... Василий Иванович Лисович, а в верхнем — сильно и весело загорелись турбинские окна».

Ничто с тех пор не изменилось. И дом, и дворик, и сарайчики, и веранда, и лестница под верандой, ведущая в квартиру Василисы (Вас. Лис.) — Василия Ивановича Лисовича, — на улице первый этаж, во двор — подвал. Вот только сад исчез — одни сарайчики.

Первый мой визит, повторяю, был краток. Я был с матерью и приятелем, приехали мы на его машине, и времени у нас было в обрез. Войдя во двор,

я робко позвонил в левую из двух ведущих на веранду дверей и у открывшей ее немолодой дамы-блондинки спросил, не жили ли здесь когда-нибудь люди по фамилии Турбины. Или Булгаковы.

Дама несколько удивленно посмотрела на меня и сказала, что да, жили, очень давно, вот именно здесь, а почему меня это интересует? Я сказал, что Булгаков — знаменитый русский писатель и что все, связанное с ним...

На лице дамы выразилось еще большее изумление.

— Как? Мишка Булгаков — знаменитый писатель? Этот бездарный венеролог — знаменитый русский писатель?

Тогда я обомлел, впоследствии же понял, что даму поразило не то, что бездарный венеролог стал писателем (это она знала), а то, что стал знаменитым...

Потом, в «Белой гвардии», Булгаков с ностальгической любовью описывал такой уютный мир родного дома, безвозвратно потонувший в революцию: «Много лет... в доме № 13 по Алексеевскому спуску, изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку. Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади «Саардамский Плотник», часы играли гавот, и всегда в конце декабря пахло хвоей, и разноцветный парафин горел на зеленых ветвях».

А Виктору Некрасову соседи Булгакова рассказывали о профессорском семействе: «Очень они были веселые и шумные. И всегда уйма народу. Пели, пили, говорили всегда разом, стараясь

друг друга перекричать... Самой веселой была вторая Мишина сестра. Старшая посерьезнее, поспокойнее, замужем была за офицером. Фамилия его что-то вроде Краубе (на самом деле Л.С. Карум. — Б.С.) — немец по происхождению. — (Так, поняли мы, — Тальберг...) — Их потом выслали, и обоих уже нет в живых. А вторая сестра — Варя — была на редкость веселой: хорошо пела, играла на гитаре... А когда подымался слишком уже невообразимый шум, влезала на стул и писала на печке: «Тихо!»

Как хорошо помнят читатели, в романе Турбины тоже очень любили оставлять на печке актуальные политические комментарии в шутливой форме. И еще семейство домовладельца инженера В.П. Листовнического, выведенного в «Белой гвардии» в образе «несимпатичного» Василисы, нарисовало такой портрет Михаила Булгакова: «Миша был высокий, светлоглазый, блондин. Все время откидывал волосы назад. Вот так — головой. И очень быстро ходил. Нет, дружить не дружили, он был значительно старше, лет на двенадцать (речь идет о дочери Листовнического Инне. — Б.С.). Дружила с самой младшей сестрой Лелей. Но Мишу помнит хорошо, очень хорошо. И характер его — насмешливый, ироничный, язвительный. Не легкий, в общем. Однажды даже отца ее обидел. И совершенно незаслуженно». Действительно, Булгаков из всех сестер больше всех любил младшую — Елену (Лелю). По свидетельству Т.Н. Лаппа, «Леля из всех сестер самая хорошенькая была. Когда мы с Михаилом обвенчались, она